

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ФЕНОМЕНЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПТИВНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ON THE QUESTION OF THE LITERARY PHENOMENON AND AESTHETIC RECEPTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

**L. Toguzova
O. Titkova
A. Osipova**

Summary: The authors of the article investigate the phenomenon of literature in the lens of humanitarian cognition and receptive aesthetics. In this direction, an original interpretation of the social conditionality of literary works is proposed, which do not pretend to be a rigid connection between meaning and the work for a particular reader, but on the contrary, practice socially conditioned reading. The article solves two main tasks: the first is that a literary work is both a product of creative self-awareness, and also a textual phenomenon in cognition, which makes it possible to recognize the internal and external bearer of humanitarian knowledge; the second is how the production of literature socially and aesthetically determines the «horizon of expectation» of the reader.

Keywords: literature, the image of the knowable, self-awareness, human, receptive aesthetics, horizon of expectation.

Тогужева Людмила Изатбековна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
toguzova@mirea.ru

Титкова Ольга Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
titkova_o@mirea.ru

Осипова Альбина Магомедовна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
osipova_a@mirea.ru

Аннотация: Авторы статьи исследуют явление литературы в объективе гуманитарного познания и рецептивной эстетики. В этом направлении предлагается оригинальная интерпретация социальной обусловленности произведений литературы, которые не претендуют на жесткую связь смысла и произведения для конкретного читателя, а наоборот, практикуют социально обусловленное чтение. В статье решаются две основные задачи: первая, что литературное произведение – это и продукт творческого самосознания, и также текстуальный феномен в познании, что позволяет распознать внутреннего и внешнего носителя гуманитарного знания; вторая, как продукция литературы социально-эстетически обусловит «горизонт ожидания» читателя.

Ключевые слова: литература, образ познаваемого, самосознание, человеческое, рецептивная эстетика, горизонт ожидания.

В современном культурном лексиконе появилась новая словесная единица – литИИратура. Этот термин от англ. literAI – неологизм, обозначающий художественную литературу, написанную искусственным интеллектом (ИИ), либо в сотрудничестве с ним. [5. С. 207] Также отметим, что «потенциальные творческие возможности искусственного интеллекта до недавнего времени обсуждались разве что специалистами на научных конференциях, либо фигурировали в различных научно-фантастических произведениях, написанных человеком. Однако в последние годы, благодаря прогрессу в области машинного обучения, в частности успехам технологии нейросетей, литИИратура стала реальностью». [5. С. 207]

Так, перед нами в ландшафте интеллектуальной продукции обозначился результат технологической деятельности, претендующий на новый способ как литературного труда, так и на новую, специфическую форму эстетики. В этой связи целью нашего исследования является анализ литИИратуры как феномена в гуманитарном познании, а с другой стороны, как интерпретация в направлении рецептивной эстетики. Данный подход наиболее адекватен по отношению к литИИратуре. Во-

первых, обращение к литературным произведениям как продуктам творческого самосознания, а также, как и к текстуальным феноменам в познании, позволяет распознать внутреннего и внешнего носителя гуманитарного знания. Во-вторых, возможно прояснить социальную обусловленность эстетических смыслов литИИратуры как результата восприятия произведения субъектом.

В научном гуманитарном знании, явно или неявно, производится опора на многообразие эмпирических суждений, которые могут быть приняты на веру, вне доказательств, возникать после веры и являться следствием бытия человека в культуре. Если рассматривать когнитивные оценки веры как субъективную уверенность, соглашаясь также с тем, что и сомнение остается источником знания, то мы признаем право на участие в интеллектуальном выборе как экзистенциально-эмоциональных средств, так и других познавательных процедур антропологической традиции.

В отечественной культуре экзистенциально-философские подходы процессов познания исчерпывались отражательными процедурами. Имеется в виду, что зна-

ние как образ познаваемого достигалось часто отражением как природного, так и искусственного представления. Одновременное отражение-представление было производным тесного взаимодействия всех средств человеческого действия, где можно выделить амбивалентный по своей природе феномен репрезентации. Отечественная литература в этом контексте берет на себя ту сферу интерпретации, которая истолковывает способ бытия, переосмысливает доверие субъекту, признает фундаментальную значимость *исторической традиции*, существующей в понимании.

В литературе существование и действительность (реальность) – это мир, созданный в образах, знаках и символических формах; он присущ человеку и его жизни; он обязывает к истолкованию смыслов бытия; в нем решаются вопросы объединения бытийно-эстетического характера, предположительно укорененные в социуме и культуре. Но сама человеческая жизнь объединяет в себе считанные смыслы и когнитивные практики познания, порожденные психологизмом и историзмом. Эти смыслы и практики сущностно не исчерпываются операциями и методиками в работе над текстами; часто они (операции) выходят за рамки когнитивных оценок. Такие явления из сферы гуманитарного познания, которые должны быть поняты, неотъемлемо фигурируют в литературной деятельности субъекта, зачастую в идеалах и предписаниях рациональности, но только как образ, вставший лицом к изменениям реального мира.

Литература, в частности, позволяет размышлять с уровня отдельных понятий и предположений на уровень целостного подхода, к системе мысленных форм и коммуникации в горизонте бытия, где человек познающий обнаруживает себя и свое видение мира, обретая собственную личностную форму. Этот индивидуально-смысловой контекст литературы наталкивает нас перейти к пониманию *самосознания* человека как целостного субъекта гуманитарного познания, как сложно образованной структуры личности, как эстетической и интеллектуальной аутентичности человека в его бытии.

Понятие «самосознание» означает «выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка своего отношения к миру, себя как *личности*, своих поступков, действий, мыслей чувств, желаний и интересов». [6. С. 590].

Узнавание человеком *собственных возможностей* производится в процессе труда, который, с одной стороны, связан с количеством инструментов и орудий труда, а с другой, эффективным применением всей технологической системы в общественной практике. Изменяя природу и создавая продукцию своего труда, человек изменяется сам, он созерцает дело своих рук и считает себя деятелем. [6. С. 590].

Важно подчеркнуть, что труд всегда носит общественный характер; по этой причине человек начинает сознавать себя как человека, принадлежащего данной исторической системе; по этой же причине человека отличает отношение к другому человеку, именно как себе подобному. Если учитывать, что литературе выпала участь создания как раз *человеческого ума и рук*, то по мере развития самосознания личности мы понимаем ее как результат практической общественно-производительной деятельности человека. [6. С. 591].

Однако обратим внимание на продукцию литературы. Как указывает один из ведущих инноваторов в этой области, американец Росс Гудвин, бывший спичрайтер администрации президента Обамы и исследователь творческих возможностей ИИ, что в 2016 г. в сотрудничестве с британским кинематографистом Оскаром Шарпом был создан самообучающийся ИИ-бот «Джетсон». Этот Джетсон стал называть себя Бенжамином, проанализировал сотни существующих киносценариев и начал генерировать собственные сценарии с диалогами и постановочными инструкциями. Шарп снял по одному из них «Sunspring», впечатляющую короткометражку в жанре сай-фай, которая вызвала большой общественный резонанс. [5. С. 207].

Здесь мы могли бы сказать, что как объект литературы данный сценарий своего рода лингвистическая условность. Но ведь и Гудвин, и Шарп утверждают, что есть Бенжамин и его произведение, т. е. что-то «есть» - то, что наблюдается как мышление. Иначе говоря, об объекте как определенном содержании, уже данном в наблюдении, мы можем сказать: «*есть*» уже присутствующее как одно из содержаний сознания. [3. С. 96]. В какой же мере продукт литературы в ИИ отражает сознание, да и можно ли так считать? Здесь обратимся к философскому опыту А. Пятигорского о том, что весь мир «не есть один объект наблюдения, противопоставленный наблюдателю». [3. С. 91].

«Можно также сказать, что какой-то (или данный) человек как объект наблюдения мышления или как случай мышления ставится в ряд тех объектов, которым по условиям наблюдения *может* приписываться или не приписываться сознание». [3. С. 96]. В нашем случае такими объектами являются данный текст сценария, данный наблюдаемый разговор, данный ритуал ИИ. В отличие от тех объектов, которым в силу тех же условий сознание *не может* приписываться, например, как «человек вообще», «народ», «культура» и т. д. «Человек» (но не «какой-то» и не «данный») может обозначать, в принципе, *другое мышление*, служить словом, обозначающим место, где что-то наблюдается как мышление или как типичный случай наблюдаемого мышления. [3. С. 96–97]. Так, для литературы, согласно этому принципу, не предвидится другое мышление, не предвидится человеческое самосознание.

Это подтверждается Пятигорским в следующем суждении. «Вообще, то, что называется словами «человеческое» или «человеческая природа», оказывается в наблюдении крайне неопределенным, размытым объектом, скорее всего – не-объектом, ибо за вычетом «мыслящего» (или сознания) этот объект полностью утрачивает свою человеческую специфику. Для самого антропоцентрического из известных мне философов, Гегеля (и для Александра Кожева еще более, чем для Гегеля), человеческая природа есть чистая абстракция, вторично или третично выведенная из самосознания, самоосознания, осознания своей смертности, признания другим (в «Феноменологии духа»)». [3. С. 97]

Ну, а что же отнести к «человеческому» пониманию в таком раскладе? Пятигорский отмечает на эту важнейшую категорию – это есть *психика*. Он пишет: что в мышлении «нет никакой человеческой природы (в аристократическом смысле), кроме психики. Тогда психика – самый общий случай состояния ума, ... и одновременно собирательное понятие, включающее в себя все то в мышлении, что не относится к его содержанию. Затем – это типично для антропоцентризма в целом – понятие «человеческого» расщепляется на человеческое как предмет позитивного научного знания и человеческое как специфичное для человека самосознание, пока наконец и то, и другое вновь не объединится в более поздних неотрефлексированных концепциях так называемого «философского гуманизма». [3. С. 97].

Проведем черту в этой части нашего понимания литИИратуры и отметим ее общественную роль как «нового феномена» в культуре. Так как на сегодняшний день вышло уже несколько романов и сборников рассказов, написанных различными ИИ. В Сети появился магазин, торгующий их книгами. Кроме этого, в мае 2020 исследовательская лаборатория в области ИИ из США представила GPT-3, третье поколение алгоритмов машинного самообучения. Вслед за ним стремительно появились GPT-4, GPT-5, где качество текстов, генерируемых системами таково, что *специалисты не могут отличить их от текстов, написанных людьми*. Интеллектуальная среда объясняет «будущее, наступающим на наших глазах», и первые серьезные последствия – в области журналистики. Системы ИИ пока не получают литературные премии, но они продолжают совершенствоваться, и у них все еще впереди». [5. С. 207]. Но в движении этого интереса к произведениям ИИ, снимая проблему мышления, рассматривая наблюдение как специфическое состояние ума, а это означает некое внимание человека к «экранам», «носителям», «средствам» и т.п. в контексте «эстетического чувства», или «психики», по утверждению Пятигорского, производится *распознавание и восприятие* интеллектуальных предметов от машин? Можно сказать, что производит-

ся сенсорный способ постижения литИИратурной продукции в духе технологического времени.

Здесь для нас определенный фокус понимания может предложить традиция *рецептивной эстетики*. Как сказано было выше, что литературная продукция ИИ представлена таким образом, что не отличается от человеческих произведений. По этой причине обратимся к тому *горизонту ожидания*, который есть в рецепции для обоснования суждения о неотличимости литИИратуры от результата литературного труда человеческого.

Согласно исследованиям Яусса, суждение о каком-либо произведении (горизонт ожидания), созданном в прошлом, складывается современниками, из мнений последующих поколений читателей и критиков. Горизонт ожидания по отношению к современному произведению, еще не имеющему собственной истории восприятия, формируется существующими в данное время, в данной национальной культуре нормами эстетического восприятия и личным опытом читателя. [2. С. 390–391].

Второй, важный для нас, тезис Яусса, *психологический*, утверждает обеспечение объективности понимания анализируемого объекта. Психологизм редуцирует феномены духовной культуры до индивидуально-психологической конкретности их восприятия, не задаваясь вопросом об их социокультурной обусловленности. А этим, собственно, занимается *социология вкуса* (курсив наш), к которой сводится изучение эстетического восприятия. Соответственно, восприятие литературных продуктов ИИ – это в сути читательские симпатии или антипатии по отношению к ним. В горизонт ожидания вписываются многочисленные *мнения*, заданные принятыми эстетическими нормами. Так как современная эстетика имеет определенное влияние со стороны технологии, то и литИИратура, как изобретение технологической эпохи, развивается в канонах технологической эстетики, которая аутентична настроениям читателя, в своем познании ориентированного на взаимосвязь технологии с порождаемой ею же эстетикой.

Эстетическая и интеллектуальная аутентичности человека технологического века как раз и возникают из множющихся произведений не обязательно оригинального свойства; наоборот, психологически множественность литИИратуры не отрицает, не отвергает ее вторичного свойства. В завершение скажем определенно одно, что посредством развития произведений и всей продукции литИИратуры, в перспективе функционально и статистически ИИ будет умножать серии перевода в человеческий масштаб того, что в человеческом имеет совсем другой масштаб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева А.Г. Искусственный интеллект и современное искусство: новые возможности и вызовы / Горбачева А.Г. // Человек: RU: гуманитарный альманах. – Новосибирск, 2018. - № 13 (2018). – С. 145–154.
2. Очерки эстетики и теории искусства XX века / Отв. Ред. Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. М.: Канон+, 2013, С. 390–391.
3. Пятигорский А. Мышление и наблюдение: четыре лекции по наблюдательной философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016, С. 91–97
4. Руткевич А.М. Философия истории Александра Кожева. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015.
5. Словарь культуры XXI века: глобальная серия. М.: Институт перевода: Центр книги Рудомино, 2022, С. 207.
6. Философский словарь. / Под редакцией И. Т. Фролова. М., 2009, С. 590–591.

© Тогузова Людмила Изатбековна (toguzova@mirea.ru), Титкова Ольга Вячеславовна (titkova_o@mirea.ru),
Осипова Альбина Магомедовна (osipova_a@mirea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»